

Торквы і жамойцкаму старосте пану Станіславу Янавічу аб прыналежнасці гэтага сяла (ці належала яно вялікаму князю ці было даравана каму іншаму), запэўняючы, што сведчаць яны «верне а справедліве». Між іншым, яны паведамілі, што Скіндыр (відавочна, адзін з прэтэндэнтаў на сяло) дасылаў да іх слугу з просьбай засведчыць тое, што ён ім скажа, абяцаючы за гэта па кажуху і па сукні. «И мы того не вчинили, — заявили сяляне, — бояли ся есмо Бога и з(о)с(по)д(а)ря великого кн(я)зя» [8, р. 334—335]. Містычная, ірацыянальная сувязь, якая існавала паміж Богам і людзьмі, дазваляла Богу абыходзіцца без «апарата» ўлады, неабходнага для ажыццяўлення знешняга кантролю над грамадствам (намеснікаў, службовых асоб, устаноў, рэальных выканаўцаў). Але вялікі князь не валодаў здольнасцю ўстанаўліваць такую сувязь і адпаведна бачыць праўду кожнага чалавека. Яму і яго намеснікам як суддзям патрэбны былі рэальныя і лагічныя доказы праўды. Адным з такіх доказаў і павінен быў стаць дакумент.

ЛІТАРАТУРА І КРЫНІЦЫ

1. Kosman M. Forma umów międzynarodowych Litwy w pierwszej ćwierci XIII wieku // Przegląd historyczny. 1966. Z. 2.
2. Rowell S. C. A pagan's word: Lithuanian diplomatic procedure 1200—1385 // Journal of Medieval History. 1992. Vol. 18.
3. Нарматыўны даведнік. Мінская вобласць / І. А. Гапоненка, І. Л. Капылоў, В. П. Лемшгова і інш. Мінск, 2003.
4. Archiwum Główne Akt Dawnych (далей — AGAD). Archiwum Radziwiłłów. Dz. X. Sygn. 383.
5. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 25 (1387—1546). Užrašymų knyga 25 / Par. D. Antanavičius, A. Baliulis. Vilnius, 1998.
6. Borowski S. Przysięga dowodowa w procesie polskim późniejszego średniowiecza. Rozprawa doktorska przyjęta przez radę wydziału prawa Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa, 1926.
7. Орехов С. И. Клятва и проклятие как элементы религиозного культа // Отношение человека к иррациональному. Сборник. Свердловск, 1989.
8. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6 (1494—1506). Užrašymų knyga 6 / Par. A. Baliulis. Vilnius, 2007.
9. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8 (1499—1514). Užrašymų knyga 8 / Par. A. Baliulis, R. Firkovičius, D. Antanavičius. Vilnius, 1995.
10. Lietuvos Metrika (1528—1547). 6-oji Teismų bylų knyga (XVI a. pabaigos kopija) / Par. S. Lazutka, I. Valikonytė ir kt. Vilnius, 1995 (далей — LM-225).
11. Судебная книга витебского воеводы, господарского маршалка, волковыского и оболецкого державцы М. В. Клочко. Литовская метрика № 228. Книга судных дел 9 (1533—1540 гг.) / подг. В. А. Воронин, А. И. Груша, И. П. Старостина, А. Л. Хорошкевич. М., 2008.
12. Літоўская мэтрыка. Кніга Запісаў № 16. Архіў Літоўскае мэтрыкі ў Дзяржаўным актахранілішчы ў Маскве (б. Архіў Міністэрства юстыцыі) // Беларускі архіў (XV—XVI стет.) / падрыхт. З. Даўгяля. Мінск, 1928.
13. Ключеский В. О. Терминология русской истории: Сочинения в 9 т. Т. 6: Специальные курсы. М., 1989.
14. Груша А. Credo quia veru: аб прычыне адсутнасці пісьменнасці ў варварскім грамадстве (метадалагічны аспект) // Беларус. гіст. часоп. 2009. № 2.
15. Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археологическою комиссиею. СПб., 1903. Т. 20. Литовская метрика. Т. 1.
16. Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археологическою комиссиею. СПб., 1910. Т. 27. Литовская метрика. Отд. 1 Ч. 1: Книги записей. Т. 1 / под ред. И. И. Лаппо.
17. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479—1491). Užrašymų knyga 4 / Par. L. Anužytė. Vilnius, 2004.
18. Лазутка С., Валиконите И., Карнавичене И. Введение // LM-225.
19. Груша А. І. «И привилієм своим подтвердил»: у вытокаў пісьмовай культуры Вялікага княства Літоўскага // Памяць стагоддзяў на карце Айчыны: Зборнік навуковых прац у гонар 70-годдзя Міхаіла Фёдаравіча Спірыдонава. Мінск, 2007.
20. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 20 / склад. А. М. Булыка, Р. С. Гамзавіч, А. П. Груца і інш. Мінск, 2001.
21. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 14 (1524—1529). Užrašymų knyga 14 / Par. L. Karalius, D. Antanavičius (tekstai lotynų kalba). Vilnius, 2008.
22. Pirmasis Lietuvos Statutas. Tekstai senaja baltarusių, lotynų ir senaja lenkų kalbomis=Первый литовский Статут. Тексты на старобелорусском, латинском и старопольском языках / Tekstus par. S. Lazutka, I. Valikonytė, E. Gudavičius etc. Vilnius, 1991.
23. Lazutka S., Valikonytė I., Gudavičius E. Pirmasis Lietuvos Statutas (1529 m.). Vilnius, 2004.
24. AGAD. Dokumenty pergaminowy. Sygn. 7459.
25. Lietuvos Metrika (1522—1530). 4-oji Teismų bylų knyga (XVI a. pabaigos kopija) / Par. S. Lazutka, I. Valikonytė ir kt. Vilnius, 1997.
26. Archiwum książąt Sanguszków w Sławucie. Lwów, 1890. T. 3: 1432—1534 / Wyd. B. Gorczak.
27. Литвин Михалон. О нравах татар, литовцев и москвитян / пер. В. И. Матузовой; отв. ред. А. Л. Хорошкевич. М., 1994.

Н. И. Милицкий

Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка, г. Минск

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ (ТРАДИЦИОННЫЙ РАЦИОНАЛИЗМ И ИННОВАЦИИ)

Для современной теории исторического познания характерно признание кризиса традиционного теоретического рационализма. Этот факт можно было бы оставить без внимания, представив разбираться в нем узким специалистам. Но возникает неоднозначная и парадоксальная ситуация. Как-то

само собой предполагается, что методология должна восприниматься также легко, как описательная история. Если этого не случается, то историки привычно обвиняют методологов в излишней сложности их построений и отвергают методологию вовсе. О. М. Медушевская, известный специалист в области источниковедения, иронично заметила по этому поводу: «Не одно поколение практикующих историков все еще чуть ли не гордятся тем, что их не интересуют проблемы методологии истории» [3, с. 119].

Представляется, что в данном случае необходимо развести понятия: «история методологии», «теория методологии» и «методологический инструментарий науки». Если историю недоступна история или теория методологии, то это вполне понятная ситуация. При наличии исследовательской потребности ему придется подтягиваться до методологического уровня осмысления теории и усвоения ее исторических этапов развития. Иное дело — операциональная сторона методологии. Здесь необходима предельная ясность, и упрек в адрес методолога по поводу отсутствия познавательных средств более чем справедлив. Когнитивная модель знания и познавательный алгоритм в этом случае должны иметь вполне четкие очертания и быть практически реализуемыми.

Конкретизируем эту ситуацию следующим примером. Вероятно, многие согласятся, что модели цивилизационного и аксиологического подходов разработаны методологами на разных уровнях практического применения. Нет необходимости обращения к подробному изложению теории цивилизаций. Работы в этой области исторического познания широко известны, как и предлагаемые в этой отрасли теории методологии модели. Назовем лишь одно издание, в котором теория и практика цивилизационного подхода, на наш взгляд, получила наиболее всестороннюю разработку — это монография Е. Б. Черняка «Цивилиография» [7].

Более затруднительная ситуация сложилась в деле конструирования модели аксиологического подхода. Здесь для историков не существует подобной цивилизационному подходу четко сложившейся структуры, но вскоре положение может существенно измениться. Недавно была издана книга Л. А. Микешиной «Эпистемология ценностей», в которой исследуется специфика гуманитарного знания и ценностей в таких областях, как язык, текст и дискурс, теоретическая социология, филология, философия образования [4]. Благодаря этому исследованию теория аксиологии в гуманитарных науках значительно продвинулась в своем развитии. Стало возможным решение фундаментальной когнитивной задачи: перевод теории в практику — создание когнитивной модели аксиологического подхода, а соответственно, и конструирование познавательных механизмов. Однако это только возможность.

Возникновение проблемы перевода теоретических знаний в практику стало прямым следствием кризиса традиционного рационализма. Эта проблема значительно серьезнее чисто теоретических споров. Здесь мы вынуждены фиксировать наличие разрыва между фундаментальной наукой и ее практической реализацией. Нет необходимости объяснять актуальность этой ситуации для системы образования. Член-корреспондент РАО В. И. Слободчиков совершенно объективно констатирует «разрыв между образовательным знанием и практическим педагогическим действием» [5, с. 31].

Но каким должно быть само образовательное знание? Опять сошлемся на мнение В. И. Слободчикова. Он вполне обоснованно утверждает, что «полно и отчетливо понятие образования начинает пониматься как особая философско-антропологическая категория, фиксирующая фундаментальные основы бытия человека» [5, с. 28]. По его вполне справедливому мнению, эта категория оказывается значительно шире существующих ныне представлений о содержании гуманитарного образования, которое не сводится к ЗУНам, компетенциям и социально полезным качествам индивида. В таком случае реализуется лишь функция управления образованием.

Суть современного образования значительно шире и состоит в «развитии общих, родовых способностей человека, освоении им универсальных способов деятельности и мышления» [5, с. 31]. На наш взгляд, эта позиция совпадает с традиционным классическим мнением выдающего представителя педагогической мысли Макса Шелера. По его словам, образованным является тот, кто «овладел совокупностью выстроенных в единство одного стиля идеальных подвижных схем созерцания, мышления, толкования, оценки мира, обращения с ним и с какими бы то ни было случайными вещами в нем; схем, которые предзаданы всякому случайному опыту, которые единообразно перерабатывают его и включают в целостность личностного «мира» [8, с. 46]. Это сущностное определение образования, кроме знания ради управления и господства, включает знание ради развития бытия человека и реализации его сопричастности к самому высшему бытию — самой основе всех вещей [8, с. 41—42]. Эти определения являются исходными элементами дальнейшего построения научной и образовательной системы всего гуманитарного знания.

Главная трудность в решении проблемы кризиса традиционного рационализма состоит в том, чтобы не только найти исходные структурообразующие положения, от них перейти к базовым и далее к практическим действиям, отвечающим актуальным запросам современности. *Одним из актуальных средств преодоления кризиса и его последствий в гуманитарных науках является внутренняя перестройка самого рационализма: разработка методов построения и форм представления знаний, а также создание концепции перевода теории в практику познавательных действий.* Реализация этого направления увязывается нами с междисциплинарным синтезом когнитивных практик гуманитарных наук. В результате этого синтеза история получает ряд исходных методологических установок, служащих основой для построения предметных моделей знания. *К наиболее общим процессам построения знаний относятся кон-*

структурирование, концептуализация, систематизация и формализация знания. Как нам представляется, эти стороны познавательной деятельности вполне вписываются в философскую часть современной образовательной парадигмы, предложенной В. И. Слободчиковым.

Современная стратегия рациональности в теории познания связана с кардинальным пересмотром ее традиционных и появлением инновационных черт. К числу инновационных, фундаментальных свойств рациональности методологами отнесена репрезентация знания, являющаяся проявлением формализации, но приобретающая в последнее время самостоятельное значение. Философами сделан по сути инновационный вывод о необходимости нового понимания специфики гуманитарного знания, которому присущи как научные, так и вненаучные формы, связанные с изучением подсознательного. Тем самым снимается монополия рациональности в познании действительности. Взаимодействие научных и ненаучных форм составляет содержание и суть проблемы построения и представления знаний, которые и будут представлять одну из основных линий нашего исследования.

В исследовательской литературе по методологии познания проблема построения и представления знаний признана актуальной, но не решенной. Наряду с рационально-логическими методами построения знания нарастает интерес к образно-символической форме их представления. Формируется мнение о равнозначности теоретико-содержательного, репрезентативного и операционального аспектов знания. В связи с развитием процесса формализации знаний в методологии пересматривается взаимосвязь вербальной и символической форм представления знаний. Уровень абстракций и образное представление информации в своем единстве позволяют интерпретировать образ как проявление сущности, а любую абстракцию перевести в мысленный образ. Исходя из этого, построение и представление знаний часто оценивают как равноправное, взаимно дополняемое взаимодействие когнитивных практик, основанных на рациональном и чувственном восприятии мира. В итоге познавательная значимость философии символических форм возрастает и они меняют статус дополнительного средства познания на одно из главных. Подобная позиция воспринимается историками, но методологами еще не разработаны механизмы взаимного перевода вербальной и символической информации. Еще более трудным оказывается осмысление процесса восприятия информации на подсознательном уровне.

На рациональном уровне единство когнитивных практик логического и символического характера выражают когнитивные модели. Эту форму представления исторического знания следует рассматривать не только как отражение сущностных сторон объекта, но и как средство порождения новых знаний. Подобный взгляд привел методологов к принципиальному выводу о возможности построения моделей знания «сверху», на основе других идеальных объектов [6, с. 704]. В целом же структурное образование, когнитивная модель представляют понимание объекта и служат средством познавательных действий. Для историка это означает возможность относительно самостоятельного развития познания, а порой и отрицание принципа вторичности отражения по отношению к бытию. В наибольшей степени подобные взгляды присущи сторонникам синергетического взгляда на историю. Для них «познающий не столько отражает мир, сколько творит его». Субъект и объект познания находятся в состоянии «кодетерминации», они взаимно изменяются в когнитивном действии. Научное познание через действие в образовании реализуется посредством «обучения через действие» [1, с. 334–340].

Для взглядов значительной части современных историков характерны отказ от абсолютизации детерминизма общественного развития и обращение к концепту «порядок—хаос», отражающему единство макро- и микроструктур исторических состояний и процессов. Такую картину исторического познания дает системно-синергетический подход. Современное состояние методологической науки позволяет нам рассматривать детерминизм глобальных структур в истории и случайность структур повседневности как взаимодействие объективных и субъективных факторов в истории. В методологии разработка структур повседневной истории значительно отстает от структурирования моделей концептуальных подходов.

По мнению методологов, предметом изучения в истории повседневности является субъективное и случайное в жизни человека, которое имеет гносеологический статус неявных форм и структур. Изучение истории повседневности предполагает обращение через изучение обычаев, традиций, интересов к личности человека, его чувственным формам познания. Как структуры глобальных исторических процессов и понятий, так и структуры повседневной истории служат познанию единства объективного и субъективного, сознательного и подсознательного в историческом познании. Абсолютизация какой-либо из сторон познания приводит к ослаблению общих методологических позиций историка. Яркой иллюстрацией методологического нигилизма являются призывы вернуться к описательной («осколочной» истории), стремление открыть все тайны истории с помощью математических моделей. Выбор какой-либо одной теории, метода или способа познавательной деятельности позволяет нам достичь предельных глубин в освоении лишь отдельной стороны действительности. Мера соотношения между потребностями аналитической и синтезирующей познавательной деятельности, на наш взгляд, определяется актуальным запросом общества, состоянием источников и постановкой исследовательских задач.

В последнее время резко возросла роль герменевтики — науки толкования текстов. Здесь есть место и традиционным подходам, и новаторским. Для данной отрасли науки характерно перенесение лингвистических, литературоведческих, психологических и других методов исследования текста в общую методологию гуманитарных наук. Очевидно, историкам следует обратить внимание на выводы когнитологов о методологической важности когнитивной герменевтики. «Когнитивная цель герменевтиче-

ского подхода состоит в том, чтобы приблизиться к пониманию структуры знания, а также выявить внутренние механизмы процесса познания...» [9, с. 327]. Суть высказывания состоит в выделении статического и динамического концептов в познании: «структура знания» и «механизм процесса познания». Подобное представление об уровнях осмысления исторического текста в целом внутренне присуще практике исторических исследований, но не получило достаточной степени теоретического обобщения в науке. Еще меньшую степень реализации оно получило в конструировании учебного знания.

Проиллюстрируем проблему конструирования исторического учебного знания обращением к лишь одному, возможно, и не слишком значительному, но показательному примеру. Культурологи, философы, лингвисты, психологи широко пользуются понятием «концепт». Если «концептуализация — это совокупность познавательных действий исследователя, направленных на систематизацию знаний в соответствии с основной точкой зрения на предмет» [2, с. 178], а система учебных знаний устроена по иерархическому принципу возрастания или убывания степени абстрактности [2, с. 263], то почему историки не всегда последовательны в реализации этого принципа при составлении учебных программ? Имеется в виду рубрика «основные понятия», помещенная в новой учебной программе по истории после вопросов каждого раздела (Всемирная история. История Беларуси. VI—XI классы. — Минск. — 2008. — С. 10, 12, 14, 18, 22 и т. д.). Рубрика включает перечень основных понятий, подлежащих усвоению учениками. Вопреки разнообразным структурам знания, которые все построены по иерархическому принципу, концепции исторического образования, а также инструктивному письму Министерства образования («Гісторыя: праблемы выкладання», 2008, № 8, с. 5), где подчеркивается важность системного подхода в изложении содержания исторического образования, авторами программы предлагается не система, а «сумма» разных по степени важности понятий. Умение выделять главное — стратегическая линия познавательной деятельности в общеобразовательной школе, а системный подход — конкретное методологическое средство, обеспечивающее иерархический принцип построения знаний. В построении образовательного знания этому принципу подчинены классические стратегии дедуктивного и индуктивного развертывания обучения.

Проблема конструирования знаний занимает одно из центральных мест во многих гуманитарных предметах. Лидерство в ее решении остается за *когнитивной психологией*. Принципиальную важность приобрели суждения психологов о формах представления действительности: схемах, логических формах, иерархических категориальных системах. Это статический аспект знания. Для исторического познания не менее важен операциональный аспект — динамическая составляющая познавательного процесса. *Операциональность заключается в построении когнитивных структур знания, в конструировании и реализации различных механизмов процесса познания, в выполнении функций перевода одного вида знания в другой, в восприятии и переработке значительных объемов информации*. Различные способы познавательных действий являются не только действенным средством перевода теории в практику, но и оказывают самое серьезное воздействие на социальную практику. В современной науке интенсивно разрабатываются проблемы социального конструирования мира. Связь когнитивного и социального конструирования картины мира приобретает конкретные очертания во взаимодействии исторического и когнитивного подходов к знанию. В результате историческое познание получает дополнительную методологическую основу, а категориальные понятия когнитивного подхода наполняются конкретно-историческим содержанием.

Отбор и структурирование знаний историками предполагает выбор подходов, взятых из различных гуманитарных наук, к историческому тексту, разработку конкретных технологий обработки и представление знаний, содержащихся в тексте, деление текста на уровни восприятия. Среди последователей «лингвистического поворота» все большее внимание привлекает *психолингвистический подход*, который позволяет выделить эмоционально-смысловую характеристику исторического текста и дает начало изучению его суггестивного воздействия. Объектом внимания психологов и лингвистов стало обращение к тексту как средству воздействия на рациональное и подсознательное восприятие информации. Изучение фоносемантического значения текста дает возможность историку получить неизвестные до настоящего времени характеристики исторических личностей или событий. Данное направление находится на стыке истории, лингвистики и психологии, что позволяет историкам иметь оригинальные и весьма эффективные средства для изучения подсознательного.

Лингвистами и психологами предложены *психолингвистические средства и приемы*, посредством которых обнаруживаются эмотивная и логическая составляющие текста исторического источника. Наличие специальной технологии способствовало нахождению дополнительных аргументов в пользу утверждения о совпадении смысловой логики текста со скрытым влиянием на подсознание читателя фоносемантического аспекта текста. Данный тезис вполне совместим с выводом о взаимодействии сознательного и бессознательного на вербально-логическом и знаково-символическом уровнях восприятия информации.

Антропоцентрический подход объединяет семантическое, концептуальное, коммуникативное и эмотивное восприятие когнитивных структур текста. Общая установка на антропоцентричность привела к увеличению внимания к роли историко-социальных факторов. Изучение суггестивных аспектов исторического текста способствует выяснению психолингвистического механизма воздействия на массовое и индивидуальное сознание и подсознание людей исторического прошлого.

Сознательное и подсознательное в содержании текста представлено в диалектической взаимосвязи когнитивных механизмов. Это позволяет выявить механизмы реализации различных приемов воздействия на сознание и подсознание человека, на его убеждения и мотивы поведения. Конечной целью этого воздействия было формирование необходимых конкретных социально-политических установок. Исследование когнитивных структур текста не уводит в сторону от выяснения социальных ситуаций, а способствует пониманию средств достижения целей. Анализ текстов показывает, как когнитивные структуры, представляющие массовое историческое сознание и обладающие своей собственной логикой и языком, становятся социальными репрезентациями. В итоге оказываются связанными рациональное и иррациональное в познании, когнитивные инновации и современная социальная практика.

Технологии интеллектуальной обработки и представления образовательного знания еще только начали разрабатываться. Для продвижения этого инновационного направления необходимо прежде всего обратиться к конструированию когнитивных операциональных моделей знания. Опережающей областью знания здесь оказалась историческая информатика. В *исторической информатике* разработаны разнообразные формы представления знаний, ставшие операциональными средствами организации баз знаний. В информатике обработка огромных массивов источников потребовала разработки разнообразных когнитивных структур построения и представления исторического знания. Начав с микромоделей, информатика проделала огромный путь развития, осуществив в конечном итоге выход на макроуровень моделирования знаний.

Особое развитие получили фреймовые и гипертекстовые технологии, семантические сети и процедуры выводного знания. *Именно многообразие форм представления знания в информационных технологиях позволило сформировать качественно новый принцип в методологии познания: «многомерность».* Для научно-практических разработок в области исторической информатики одной из актуальных задач является сохранение концептуальных ориентиров исторической науки в конструировании и представлении компьютерной метафоры знания. В историческом исследовании не следует допускать абсолютизации чисто компьютерных форм представления исторического знания. Не историческое знание служит предметом для компьютерных вариаций, а наоборот, формы компьютерного представления подбираются в зависимости от состояния и характера источников, а также задач исследования.

Решение проблем обновления рациональных стратегий познания связано с междисциплинарным подходом. Междисциплинарное исследование методов построения и представления знаний в философии, методологии, истории, герменевтике, лингвистике, когнитивной психологии, истории и информатике позволяет построить интегративные структуры знания. *По нашему мнению, интегративные модели, соединяющие в себе смысловые и образные аспекты информации, охватывающие рациональные и подсознательные возможности коммуникации с текстом на разных глубинах его восприятия, являются основным средством обработки и представления исторического знания.*

В области источниковедения интегративное моделирование текста позволяет найти оригинальные идеи в известных исторических источниках. Это стало возможным на основе совмещения логической, смысловой и эмотивной составляющих текста, охватывающих рациональное и подсознательное восприятие текста. Обнаружение подобных качеств текста в гуманитарных науках позволяет сделать общий вывод о практической целесообразности применения в историческом познании междисциплинарных способов и средств обработки гуманитарного знания.

Результатом методологической интеграции становится построение в исторической науке и образовании многомерных интегративных моделей, объединяющих исходные принципы предметного содержания, модели концептуальных подходов, исходные и базовые понятия, а также их функциональное предназначение. Эти модели служат связующим звеном между общенаучными принципами и частнонаучным историческим знанием, являются средством операционализации знания и формой его представления. Модельное представление исторического знания в целом характеризуется категориальностью теоретического мышления, концептуальностью содержания и операциональностью познавательных действий.

Для перевода теоретико-методологических положений в научные действия предлагается следующий когнитивный механизм: выделение категорий содержания науки, разработка концептуальных моделей, создание логико-понятийного инструментария, построение динамических интегративных моделей объектов познания. В образовательном плане все перечисленные аспекты, по нашему представлению, можно выразить концептом «единство образа, слова и действия». Разумеется, что это лишь когнитивная составляющая системы исторического образования.

В заключение выразим надежду на то, что реализация различных типов когнитивных структур и операции с ними станут одним из главных направлений конструирования интегративных моделей исторического научного и образовательного знания. Надеемся, что и в этом содержится возможность преодоления кризиса традиционного рационализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Князева, Е. Н. Концепция инактивированного познания: исторические предпосылки и перспективы развития / Е. Н. Князева // Эволюция. Мышление. Сознание. (Когнитивный подход и эпистемология) — М.: Канон +, 2004. — С. 334—340.

2. Лукашевич, В. К. Философия и методология науки: учеб. пособие / В. К. Лукашевич. — Минск: Совр. шк., 2006. — 320 с.
3. Медушевская, О. М. Становление и развитие источниковедения / О. М. Медушевская // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие // Н. Н. Данилевский [и др.]. — М.: 1998. — С. 35—121.
4. Микешина, Л. А. Эпистемология ценностей. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. — 439 с.
5. Слободчиков, В. И. Инновации в образовании: основания и смысл / В. И. Слободчиков // Педагогические инновации. — 2004. — № 1. — С. 17—36.
6. Степин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. — М.: Прогресс-Традиция. — 1999. — 743 с.
7. Черняк, Е. Б. Цивилиография / Е. Б. Черняк. — М.: Международные отношения, 1996. — 384 с.
8. Шелер, Макс. Формы знания и образование / Макс Шелер // Избранные произведения. — М.: «Гнозис», 1994. — С. 15—56.
9. Шульга, Е. Н. Когнитивная герменевтика в системе философского знания / Е. Н. Шульга // Когнитивный подход. Научная монография / отв. ред. академик РАН В. А. Лекторский. — М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2008. — С. 323—347.

В. Н. Сидорцов

Белорусский государственный университет, г. Минск

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

История, как и любая другая наука, имеет свой собственный механизм научного познания (исследования и обучения). Таким механизмом можно считать методологию истории — в известном смысле самостоятельное научное направление, вместе с тем общее для всех отдельных отраслей научного исторического знания. В системе исторической науки методология занимает место между теорией истории и практикой исторического анализа. Аналогично тому, как теория без практики мертва, а практика без теории слепа, методология истории посредством своего механизма постоянно наделяет теорию жизненной энергией, с одной стороны, и освещает практическую деятельность историков — с другой. Тем самым наделяет их исследования глубоким смыслом, позволяя на практике реализовать такой научный принцип, отличающий историю и указывающий на ее своеобразие, как принцип ценности в истории.

Руководствуясь теорией и отталкиваясь от практики, механизм исторического познания можно представить как систему с двумя уровнями компонентов: 1) теоретическим, раскрывающим природу исторического познания, его место и функции в науке, принципы и структурные элементы, и 2) эмпирическим, включающим как традиционные, так и инновационные (в широком смысле слова) методы, многоцветье их комбинаций в каждом конкретном серьезном исследовании.

Элементами механизма, в равной мере относящимися к этим уровням, являются, как известно, следующие:

1) *исторический источник*, содержащий «слепую» информацию; его «разговаривает» исследователь, ставя определенные вопросы (на одном этапе — одни, на другом — другие) и получая на них соответствующие ответы;

2) *научно-исторический факт* (не равный событию, он отождествляется с ним в советской исторической науке), факт, который «вылущивается» из источника исследователем с заранее определенной целью;

3) *эмпирический и теоретический уровни*, взаимно дополняющие один другого в каждом конкретном случае;

4) *категории* (основные понятия), служащие маяками для представления и описания исторических явлений и процессов;

5) *представление полученного исторического знания*, вербально-логическое и образно-символьное;

6) *описание* — с обязательным использованием литературных форм [1].

Эти элементы приводятся в действие посредством применения принципов, т. е. исходных понятий науки, определяющих основные способы решения научных проблем (объективности, историзма, системности — введен в последнее время на основе обобщения практики — и ценности в истории), а также специально-исторических методов, тех или иных приемов в каждом конкретном случае, традиционных и нетрадиционных (инновационных) методов. Иными словами — посредством реализации теоретико-методологических подходов. Когда же механизм не срабатывает, следует обновлять его элементы и силы, приводящие их в движение. Обычно такие состояния оцениваются как кризисы исторической науки.

Мировая историческая наука пережила кризис в конце XIX — начале XX в., переживает и ныне. В белорусской исторической науке это: 1) проявляется в преклонении перед фактологией под негласным предлогом необходимости разработки национальной истории; 2) находит выражение в обилии мелких тем, или, лучше сказать, в замкнутости на микроистории (на уровне краеведения), т. е. без учета того, что микроистория имеет немаловажное значение для уточнения отдельных положений глобальной истории, кроме удовлетворения регионального интереса; 3) в недооценке, а порою игнориро-